

Е.В. Демидова

Проблема познания Другого в философии поступка М.М. Бахтина

Демидова Елена Викторовна – кандидат философских наук, доцент. Московская военная академия ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого. Российская Федерация, 109074, г. Москва, Китайгородский пр., д. 9; e-mail: e_demidova@list.ru

Статья посвящена проблеме познания Другого в философии поступка М.М. Бахтина. В первой части осуществляется попытка прояснить некоторые неясности и противоречия, связанные с познанием Другого в рамках нравственного поступка, встречающиеся в работах Бахтина, а именно обсуждается противоречие, возникающее между указанием Бахтина на ненужность знания о Другом в процессе совершения этического поступка и его идеями о необходимости понимания Другого, которое невозможно вне познания его. Задача познания Другого возникает только при определенном специфицированном понимании и определении нравственного поступка. Делается вывод о том, что нравственный поступок может иметь различный характер. Если он осуществляется непосредственно, практически автоматически, то никакое глубокое знание Другого нам не нужно. Если же поступок затрагивает существенные основы человека или же человек находится в сложной ситуации и поступок совершается с полной степенью осознанности, то познание Другого необходимо. Производится рассмотрение действующего Я у Бахтина по аналогии с Я, действующим в соответствии с Золотым правилом морали. Это служит прояснению того, почему Бахтин в эссе «К философии поступка» фиксирует все свое внимание на Я-для-себя, на том, как происходит осознание Я своей единственности в событии бытия, своей участности и, главное, своей ответственности за принятие ситуации, выбор поступка и само «поступление». Делается вывод о симметричности этих действий относительно фигуры Другого, на которого они направлены: и там, и там личность и индивидуальность Другого не имеют значения.

Ключевые слова: Михаил Михайлович Бахтин, философия поступка, Золотое правило нравственности, диалог, познание Другого, этика, поступок, Другой

* * *

Фигура Другого является одной из центральных в философии поступка М.М. Бахтина. Другой – тот, без которого нет Я. Другой – тот, с кем Я выстраивает диалог. Другой – тот, вокруг которого вместе с Я конституируется событие, совершается поступок. При изложении своих эстетических взглядов Бахтин подробно рассматривает, как Я воспринимает Другого. Но, вместе с тем, при обсуждении этических проблем, а именно, в философии поступка, которая

по признанию самого Бахтина является нравственной философией, встречаются неясности, имеющие принципиальный характер. Например, нужно или нет совершающему нравственный поступок что-либо знать о другом человеке, с которым он находится в некоторой ситуации, требующей нравственного отклика? Бахтин утверждает, что в рамках этического подхода для нас не важно, каков человек, а важно, как он поступил или не поступил в данной ситуации. «Поступку нужна определенность цели и средств, но не определенность носителя его»¹. Иными словами, здесь для Бахтина моральное измерение человека не столь существенно: является ли поступающий добрым или злым, щедрым или скупым, сострадательным или жестокосердным.

Вместе с тем, Бахтин уделяет много внимания познавательным процедурам в ситуации поступка: «Пусть я насквозь вижу данного человека, знаю и себя, но я должен овладеть правдой нашего взаимоотношения, правдой связующего нас единого и единственного события, в котором мы участники, место и функции мои и его и наше должностующее взаимоотношение в событии бытия»². В этом месте Бахтин в противоположность вышеприведенному утверждению о ненужности знания Другого говорит о том, что необходимо и другого человека узнать, и себя познать, и разобраться в связывающих Я и Другого личных отношениях, а также каким-либо образом проинтерпретировать и осмыслить ситуацию, в которой они оказались. Также важным, по мнению Бахтина, является смысловое измерение поступка: своим поступком Я обязательно реализует какой-то смысл. И, исходя из этой целостной картины, только после всей этой работы Я и может определить, как оно должно поступить. В данной статье осуществляется попытка прояснить некоторые неясности и противоречия, связанные с познанием Другого в рамках нравственного поступка, встречающиеся в работах Бахтина.

* * *

Проблема познания Другого, как правило, обсуждается в рамках эпистемологии, психологии, лингвистики. Эпистемологи рассуждают о том, способны ли мы в целом понять способ видения Другим мира, структурирование мира, стремления и мотивы Другого как выразителя и носителя несовпадающих с нашими культурных смыслов. Например, Е.Н. Ищенко пишет о том, что одной из фундаментальных эпистемологических проблем социо-гуманитарного познания становится исследование границ и возможностей познания Другого в широком смысле слова³. Автор преимущественно рассматривает позицию ученого и то, как ее искажают предпонимания, установки, предубеждения и т. д.

Психологи рассматривают различные аспекты восприятия и понимания Другого. Во многих статьях присутствует выделение следующих механизмов познания Другого: идентификация как уподобление Другому – постановка себя на его место; эмпатия – сопереживание, сочувствие Другому; рефлексия –

¹ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М., 2003. С. 208.

² Бахтин М.М. К философии поступка // Там же. С. 20.

³ Ищенко Е.Н. Познание Другого – эпистемологические проблемы и социокультурные аппликации // Логос. 2005. № 4 (49). С. 175.

знание того, как партнер понимает Я, удвоенный процесс зеркальных отношений друг с другом; аттракция – познание Другого при позитивном отношении к нему⁴.

Лингвистику интересуют проблемы диалога, его происхождение, статус в различных культурах и языках. Ею исследуются разнообразные стратегии речевого поведения, различные диалогические тактики, взаимодействие вербальных и невербальных единиц в диалоге, проблемы понимания Другого, поиска общего с Другим языка⁵.

Для того, чтобы говорить о познании Другого в философии поступка, надо сначала определиться с тем, как Бахтин понимает, что такое нравственный поступок и какова роль и место Другого в нем. В эссе «К философии поступка» Бахтин фактически никак не специфицирует нравственный поступок. Любое ответственное действие он характеризует как поступок. Это вполне может быть прочитано как тождественность любого поступка с нравственным поступком. Отчасти подобное понимание объяснимо тем, что Бахтин выделял и рассматривал три сферы: познавательную, эстетическую и жизненную – этическую. Иными словами, то, что происходит в действительности, относилось им к этической сфере. И в этом смысле, конечно, каждое ответственное действие, слово, мысль принадлежит к действительности. В этом эссе Другой практически отсутствует, он рассматривается Бахтиным как нечто, принадлежащее противостоящему Я – не-Я, как некий раздражитель, запускающий, наряду со всем другим предметным миром, механизм долженствования, приводящий Я к поступку⁶. При таком рассмотрении поступка и понимании роли и места Другого в нем в каком-либо особом познании Другого нет смысла.

В «Авторе и герое в эстетической деятельности» Бахтин вводит некоторые уточнения, позволяющие отличить нравственный поступок от других ответственных поступков, вызываемых долженствованием, например, «поступка познания» или познавательного действия, поступка художественного видения. Пространство нравственного поступка у Бахтина задается ситуацией некоторого события, наличием Я и Другого и предстоящей перед ними ценностью, по отношению к которой Я и Другой должны каким-либо образом поступить: либо утвердить ее своим поступком, либо опровергнуть. «Этическое событие там, где люди рядом друг с другом перед лицом общей ценности или друг против друга как враги»⁷. Можно сказать, что Бахтина здесь в какой-то мере интересует коммуникативная сторона морали: соотносённость действия Я с Другим, оглядка Я на Другого при совершении поступка. Но эта коммуникация какая-то специфическая, можно даже сказать ущербная: в действии Я как-бы отсутствует прямая нацеленность на Другого – это действие перед лицом ценности. Бахтин указывает на соотносённость поступка с ценностью с оглядкой преимущественно не на Другого, а на отношение Другого к этой ценности. Все внимание мы должны сконцентрировать на том, как поступил человек в налич-

⁴ См., например: *Крысько В.Г.* Психология и педагогика. Вопросы – ответы. Структурные схемы. М., 2004. С. 218.

⁵ См.: *Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах* / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2010.

⁶ См. подробнее: *Демидова Е.В.* Отсутствие Другого в философии поступка Бахтина // *Этическая мысль* / Отв. ред. А.А. Гусейнова. Вып. 14. М., 2014. С. 271–289.

⁷ *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности. С. 104.

ной ситуации: утвердил ли он своим поступком некоторую ценность или же опроверг ее. Другой здесь не является целью самой по себе, а выступает просто как индивид, который должен своим поступком либо солидаризироваться с Я и ценностью, утверждаемой Я, либо встать по другую сторону от Я и этой ценности. Можно продолжить логику рассуждения Бахтина: Я как будто задает вопрос: «Ты со мной или против меня?». В такой ситуации поступающему действительно не важно знать, каков Другой, каковы его черты характера.

При таком понимании нравственного поступка остается много вопросов. Если Я находится в ситуации поступка и мотивируется лишь предстоящей ценностью, которая рождает долженствование, то Я не сможет, например, позаботиться о Другом. По отношению к Другому у Я возникают только две позиции, на которые указывает Бахтин: солидарность или противостояние. Сфера мотивации действующего Я неправомерно сужается: из нее выпадает все, имеющее отношение непосредственно к Другому как таковому, к живому Другому во всем многообразии его характеристик. Бахтин, как ни странно, при всем его пафосе признания и утверждения единственности и индивидуальности личности и совершаемого ею поступка, фактически здесь вторит Канту: Я поступает так, как поступает, не потому, что это есть отклик на нужду или потребность Другого, а потому, что так велит долг, в терминах Бахтина – долженствование.

Продолжая тему ненужности знания о Другом при совершении нравственного поступка, можно вместе с Бахтиным зайти совсем с другой стороны. Для этого обратимся к завершающей эссе «К философии поступка» мысли о том, что конкретное долженствование определяется как ценностное противопоставление Я и Другого. А смысл этого противопоставления «есть абсолютное себя-исключение»⁸. При этом Бахтин добавляет, что это смысл всей христианской морали, а также альтруистической морали. Что здесь имеется в виду?⁹ Бахтин выделяет дихотомию «данное – заданное» и соотносит ее с эстетическим и этическим: эстетика имеет дело с данным, наличным, уже свершившимся, ставшим, а этика с тем, что должно быть, с незавершенным, простертым в будущее. Я всегда воспринимает Другого как принадлежащего миру данного, т. е. определенного, завершенного, себя же Я относит к миру долженствования, т. к. Я всегда не завершено для самого себя, оно всегда простирается в будущее, размышляя, как должно или как не должно поступить. И тогда можно сделать вывод о том, что исключение себя самого, о чем пишет Бахтин, есть исключение себя самого из ценностей данного, наличного мира бытия и отнесение своей ценности целиком в план будущего, должного, предстоящего. Как только Я в какой-либо ситуации, предполагающей нравственный поступок, встречается с Другим, сразу же происходит ценностное противопоставление Я и Другого, и этот Другой становится ценностью здесь и сейчас, а ценность Я отодвигается в будущее. Иными словами, здесь нельзя говорить о ценностном равенстве Я и Другого. Для эгоиста Я более ценно, чем все Другие, а для альтруиста Другие более ценны, чем Я, для рассуждения в рамках Золотого правила Другой равноценен Я.

⁸ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 68.

⁹ Достаточно подробно эту тему обсуждает Л.А. Гоготишвили: *Гоготишвили Л.А. Примечания // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М., 1997. С. 396.*

Понимание того, что в рамках нравственного поступка Другой является приоритетной ценностью для Я, действительно выражает суть христианской и альтруистической морали. И в так понимаемом поступке поступающему Я опять нет нужды в каком-либо глубоком знании Другого. Потому что, как только Я опознало Другого, Я сразу поставило Другого на пьедестал, независимо от того, чего хочет Другой, чем он мотивируется, какой он человек и т. д. Продолжая ход рассуждений Бахтина, слово или просьба Другого выступает, как закон для Я, и здесь Я должно отреагировать или удовлетворить любую просьбу или потребность Другого. При этом у Я нет нужды узнавать, искренен ли этот человек, действительно ли у него такая ситуация, как он рассказывает, правомочна ли его просьба.

При таком ходе мысли Другой опять выступает как некая номинальная единица, автоматически, самой ситуацией поступка, возносящаяся над Я. Правда, Другой уже может заявить о своих конкретных нуждах и озвучить их. Другой не обязательно просит о помощи, но, может самым положением своим, ситуацией взывать к Я. Здесь можно уже говорить о некоторой коммуникации между Я и Другим и прямой нацеленностью действия Я на Другого.

Ситуация, в которой находятся эти двое, может быть совершенно различной в плане необходимости и глубины познания: бывает все сразу ясно, и в этом случае поступающий сразу ответит просящему. В этом случае нет нужды узнать, каков Другой как человек. Но могут быть более сложные случаи, когда Я подозревает Другого в неискренности намерений или лживости при описании своего бедственного состояния, также возможны ситуации, когда несколько ценностей вступает в конфликт и требуется более глубокое познание и понимание ситуации и Другого в ней.

Продолжая специфицировать нравственный поступок в «Авторе и герое», Бахтин пишет: «Этические действия-поступки такие, которые внешним их смыслом объедают меня и другого единым и единственным событием бытия и направлены на действительное изменение этого события и другого в нем как момента его»¹⁰. Другой здесь присутствует явно: во-первых, он наличествует в самой ситуации события; во-вторых, Другой втянут в смысловую сторону происходящего: это не изолированное Я, само с собою ведущее беседу, а Я, тем или иным способом соотнесенное с Другим; и, в-третьих, здесь, как видно, указана цель этического поступка – изменение самого события. Но Другой не становится целью поступка. Он понимается лишь как момент события. Тем не менее в результате этического поступка со стороны Я Другой должен быть изменен. Бахтин пишет о том, что для совершения нравственного поступка Я совершенно не нужна полная рационализация того, что происходит, правая рука может не знать, что делает левая, когда левая «творит правду».

Мне представляется, что, рассуждая о том, что в области нравственного поступка Я не нужно знать, кто и каков Другой, Бахтин мыслит в логике Золотого правила. Ведь если мы находимся в рамках Золотого правила, то рассуждение о Другом на самом деле не подразумевает Другого как иного. Золотое правило говорит: относись к человеку так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе, или не поступай так, как ты не хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе. Здесь нам ничего не нужно знать о Другом: он точно такой, как и Я,

¹⁰ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 105.

или же совсем на него не похожий. На формальный характер Золотого правила указывал Р.Г. Апресян¹¹, но на настоящий момент эта тема нуждается в дополнительном исследовании и разработке.

Возможно, не случайно Бахтин в эссе «К философии поступка» фиксирует все свое внимание на Я-для-себя, на том, как происходит осознание Я своей единственности в событии бытия, своей участности и, главное, своей ответственности за принятие ситуации, выбор поступка и само «поступление». В эссе «К философии поступка» Другой лишь слегка просвечивает за рассуждениями Бахтина о Я. Если посмотреть на Золотое правило с другой стороны, то будет очевидно, что действие в ключе Золотого правила – это действие, где стандарт поступка задает Я. Когда Бахтин пишет о том, что в рамках этического поступка нам ничего не нужно знать о Другом, он опять воспроизводит логику Золотого правила. Золотое правило задает стандарт и образец действия как раз в ситуации, когда Я может ничего не знать или знать мало о Другом. И здесь Я дается указание о том, как надо поступить – так, как Я хотело бы, чтобы поступили с ним или же в негативном варианте: как Я не хотело бы, чтобы поступили с ним. В таком способе рассуждения Я является мерилom поступка Другого. Логика здесь такова: зная себя как человека, как личность, Я может предположить по аналогии, что другой человек такой же, как Я. И ему будет хорошо в такой ситуации, в какой будет хорошо самому Я. А для этого и нужно, чтобы Я сначала познало самого себя.

Для современной психологии и для Бахтина рассмотрение Другого по аналогии с Я – это естественный шаг на пути познания и понимания Другого. Но что интересно: с точки зрения Бахтина, и «для самого поступающего сознания поступок его не нуждается в герое (т. е. в определенности личности), но лишь в управляющих и осмысливающих его целях и ценностях... Мое поступающее сознание ставит только вопросы: зачем, для чего, как, правильно или нет, нужно или не нужно, должно или не должно, добро или не добро, но никогда не ставит вопросов: кто я, что я и каков я»¹². Правда, затем, вводя отличия нравственного поступка от поступка познания и художественного видения, Бахтин отмечает, что в жизненном мире «по-видимому, часто поступок мотивируется определенностью его носителя»¹³. И эта определенность появляется тогда, когда «мой поступок управляется долженствованием, непосредственно оценивает свои предметы в категориях добра и зла, т. е. является собственно нравственным поступком, тогда мой рефлекс над ним, мой отчет о нем начинают определять и меня, захватывает мою определенность»¹⁴. Иными словами, сначала действие, совершение поступка, затем понимание и осознание качественного своеобразия своей личности. И тогда при следующем свершении поступка личность, имея уже о себе представление, выражающее ее определенность в терминах нравственности: Я – доброе, Я – щедрое, Я – милостивое и т. д., может осуществить поступок, исходя из

¹¹ Апресян Р.Г. Талион и Золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // *Вопр. философии*. 2001. № 3. С. 72–84; Апресян Р.Г. Реконцептуализация Золотого правила: два опыта Поля Рикёра // *Полю Рикёру: Человек – общество – цивилизация* / Отв. ред.: И.И. Блауберг, И.С. Вдовина. М., 2015. С. 316–337.

¹² Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. С. 206.

¹³ Там же. С. 207.

¹⁴ Там же. С. 208.

этой определенности Я. В вышеприведенной цитате Бахтин вносит еще одно уточнение по поводу нравственного поступка: тот, который оценивает свои предметы в категориях добра и зла¹⁵.

Для более глубокого и адекватного познания и понимания себя самого становится необходимым познание Другого уже в самом себе. Это отдельная тема раздвоения Я-для-себя на Я и Другого была заявлена Бахтиным и активно воспринята и развивается современной философской мыслью. Например, И.П. Ильин пишет: «Провидческая идея Бахтина о том, что социогуманитарное познание – это познание Другого. Практически для всех постструктуралистов было важным понятие Другого в человеке, или его собственной по отношению к себе инаковости – того, не раскрытого в себе другого, присутствие которого в человеке, его бессознательном, и делает человека нетождественным самому себе»¹⁶.

Если мы сознательно вводим термин «Другой», то тогда тем самым мы говорим о том, что мы опознали Другого как иного, мы как-то отличили его от Я. Конечно, можно остановиться на пространственной нетождественности Другого и Я, о чем писали феноменологи, в частности, Э. Гуссерль¹⁷, сначала выявляя некое иное в пространстве своего сознания, а от этого переходя к конституированию Другого как не принадлежащего самому сознанию Я. Бахтин тоже многократно указывает на иное место в пространстве и времени, которое занимает Другой по отношению к Я. В архитектонике поступка каждый занимает свое собственное место, и сама архитектоника поступка возникает тогда, когда существует как минимум две человеческие единицы, которые структурируют пространство и время события.

В большинстве жизненных случаев мы все же не довольствуемся только обозначением Иного как инорасположенного. Иной, или Другой – это содержательно другой человек – с иными чувствами, эмоциями, желаниями, предпочтениями, мыслями, с отличным от нашего опытом жизни. Это другая личность, другая индивидуальность. Очень часто нам просто необходимо понять человека, с которым мы находимся в объединяющей нас ситуации. В таких условиях мы не можем довольствоваться только констатацией того, что другой человек – просто Другой. Мы должны понять то, что он намеревался сделать, как он хотел поступить, и что он в действительности сделал и как поступил. Это ставит задачу познания и понимания Другого. Другой может быть совсем не подобен Я, иметь другие жизненные принципы и желать совсем иного в одинаковой с Я ситуации. Это требует от поступающего человека умения применять в конкретной ситуации и с конкретным человеком любые общие принципы, а также разрешать конфликты между различными нормами и ценностями, которые задействованы в конкретной ситуации. Можно сказать, такое поведение требует более тонкой настройки на Другого, более тонкого понимания, постижения человека, того, как он выражает себя в словах и делах.

Здесь уместно вспомнить, что Бахтин в эссе «К философии поступка» отдельное внимание уделяет критике всеобщности норм, которая присутствует в материальной этике, и общности долженствования, которая присуща и формальной этике. Он не видит оснований для того, чтобы нормы могли быть при-

¹⁵ Довольно странным является то, что Бахтин часто рассуждает не от имени поступающего, а от имени самого поступка: поступок знает, поступок может и т. д.

¹⁶ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 78.

¹⁷ См.: Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический проект, 2010. С. 116–193.

менены к любому действию и в любой ситуации. Кантовский категорический императив он критикует за то, что совершенно верное понимание обязывающего характера долженствования у него вскоре заменяется его общезначностью, что опять уводит его этику от жизни и переводит в русло того же теоретизма¹⁸.

Неоднозначность понимания Бахтиным нравственного поступка позволяет высказать гипотезу о том, что в разных местах своих работ он рассуждает о различных видах действий¹⁹: непосредственное как бы автоматическое действие – его человек совершает во многих ситуациях, даже особенно не задумываясь: тогда, когда ситуация для совершения поступка предельно ясная. В этом случае нам не нужно никакого особенного познания Другого – кроме самого общего впечатления. Здесь поступающий опирается на усвоенные ранее нормы. И полностью осознанное действие, которое совершает человек, как правило, в трудной и неоднозначной ситуации или в ситуации личной, затрагивающей интимные глубины его существа. В этом случае, конечно, необходимы будут обширные знания для того, чтобы понять Другого, с которым мы оказались связаны в какой-либо конкретной ситуации. М. Оукшот также разграничивает эти две области. В области повторяющихся ситуаций и поступков достаточно лишь привычки и традиции. Действие здесь носит непосредственный характер. В этот же класс непосредственных действий попадают поступки, носящие внезапный характер, в которых обстоятельства требуют мгновенного ответа, и времени на раздумья нет²⁰. В рамках второй области важную роль играет рефлексия над нормами и правилами, а не сами поступки. Она связана с самосознанием поступающего.

Имея в виду это различие двух форм морали, можно было бы соотнести противоречивые понимания и утверждения Бахтина относительно ненужности и нужности познания Другого в рамках нравственного поступка с различными формами морали. Тогда утверждение о ненужности познания Другого можно рассматривать как вполне верное в том случае, когда поступающий находится на первом уровне морали: автоматических, непосредственных действий в типичных, традиционных ситуациях или ситуациях внезапности. А второго рода утверждения, настаивающие на познании Другого и всех составляющих ситуации поступка, включая познание Я, логично отнести к другой форме морали, требующей углубленной рефлексии в сложных, неоднозначных ситуациях, сопровождающихся полной осознанностью действий.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: в текстах Бахтина встречаются разнородные описания того, что он называет «нравственным поступком». Вероятно, это обусловлено незавершенностью произведения, целиком посвященного нравственному поступку – эссе «К философии поступка». Из представленных и проанализированных фрагментов, специфицирующих поступок именно как нравственный, можно заключить, что он описывает различные виды поступков, принадлежащих к отличающимся формам морали. Один вид поступка – это такой поступок, который не предполагает никакого

¹⁸ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 26.

¹⁹ О подобном разделении пишет А. Бадью, ссылаясь на гегелевское различие «морального» и «нравственного» в «Феноменологии Духа». См.: Бадью А. Этика: очерк о сознании зла. СПб., 2012. С. 14.

²⁰ См. об этом: Апресян Р.Г. Коммуникативный источник морального долженствования // Этическая мысль. Вып. 11. М., 2011. С. 13.

глубинного познания Другого и осуществляется непосредственно, в знакомой, традиционной или привычной ситуации. Здесь действие осуществляется аналогично действию в духе Золотого правила. Другой вид поступка – тот, который требует познавательных усилий от Я: это принятие личной ответственности, базирующейся на осознанном выборе и решении, опирающихся на всестороннюю информированность поступающего. В этом случае Я, безусловно, должно в наибольшей доступной ему степени узнать Другого, его мотивы и стремления, которые он хотел реализовать в данном взаимодействии.

При рассмотрении механизмов познания Другого Бахтин обращался преимущественно к идентификации с Другим и эмпатии. Чтобы познать Другого по аналогии с самим собой, необходимо, чтобы Я сначала познало самое себя: занялось самопознанием. Таким образом у Бахтина закручивается спираль познания, состоящая из актов взаимного познания Я и Другого. В этой спирали присутствует постоянная связанность Я и Другого, невозможность познания одного без другого. Я не может узнать себя без сообщения Другого о том, каково Я, а также узнать о том, чего хочет Другой. С другой стороны, Я познает Другого по аналогии с самим собой, достраивая Вселенную для Другого. Остается вопросом, где же начало этого процесса. Ответ можно получить, если обратиться к известнейшей мысли Бахтина о том, что все находится на границах, на пороге своего и чужого сознания, и жизнь есть общение. «Быть – значит быть для другого и через него для себя. У человека нет суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого»²¹. Поскольку человек не есть, не существует сам по себе полностью изолированно от других людей, а всегда в связке с кем-либо, во взаимодействии и общении, постольку и выстраивается сразу взаимное познание друг друга.

Список литературы

Апресян Р.Г. Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // *Вопр. философии*. 2001. № 3. С. 72–84.

Апресян Р.Г. Реконцептуализация Золотого правила: два опыта Поля Рикёра // *Поль Рикёр: Человек – общество – цивилизация / Отв. ред.: И.И. Блауберг, И.С. Вдовина*, М.: Канон+, 2015. С. 316–337.

Апресян Р.Г. Коммуникативный источник морального должностования // *Этическая мысль*. Вып. 11. М., 2011. С. 5–29.

Бадью А. Этика: очерк о сознании зла. СПб.: Machina, 2012. 126 с.

Бахтин М.М. К философии поступка // *Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Яз. славян. культуры*, 2003. С. 7–68.

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Яз. славян. культуры*, 2003. С. 69–264.

Бахтин М.М. 1961 год. Заметки // *Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М.: Яз. славян. культуры*, 1997. С. 329–363.

Гогтишвили Л.А. Примечания к «К философии поступка» // *Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М.: Яз. славян. культуры*, 1997. С. 379–680.

Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Акад. проект, 2010. 229 с.

Демидова Е.В. Отсутствие Другого в философии поступка Бахтина // *Этическая мысль*. Вып. 14. М., 2014. С. 271–289.

²¹ *Бахтин М.М.* Заметки 1961 год // *Бахтин М.М. Собр. соч. в 7 т. Т. 5. М., 1997. С. 344.*

Ищенко Е.Н. Познание Другого – эпистемологические проблемы и социокультурные приложения // *Логос*. 2005. № 4 (49). С. 172–188.

Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 253 с.

Крысько В.Г. Психология и педагогика. Вопросы – ответы. Структурные схемы. М.: ЮНИТИ, 2004. 367 с.

Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2010. 472 с.

Cognition of the Other in M.M. Bakhtin's Philosophy of the Act

Elena Demidova

PhD in Philosophy, Associate professor. The Peter the Great Military Academy of Strategic Missile Forces. 95 Kitaygorodsky proyezd, Moscow 109074, Russian Federation; e-mail: e_demidova@list.ru

The article is devoted to the problem of cognition of the Other in the M.M. Bakhtin's philosophy of the act. In the first part the author examines some tensions and contradictions within Bakhtin's views concerning the problem. On the one hand, he negates the need for knowledge of the Other in the process of committing an ethical act, on the other, considers that the understanding of the Other is impossible without cognition. The moral action takes different forms. In the case of direct, spontaneous act, no deep knowledge of the Other is necessary. But if the act is deliberate and affects the essential foundations of the human being, than cognition of the Other is of great importance. The author considers the acting I in Bakhtin's philosophy by analogy with the I, acting in accordance with the Golden rule of morality and demonstrates the symmetry of these perspectives in relation to the Other. It helps to understand why Bakhtin in the essay *Toward the Philosophy of the Act* concentrates on the I-for-myself, through which the human being is aware of his/her uniqueness in the participation in Being and responsibility for the act. In both cases personality and individuality of the Other does not matter.

Keywords: Mikhail Bakhtin, philosophy of the act, Golden Rule, dialogue, cognition of the Other, ethics, act, the Other

References

Apressyan, R. "Zolotoe pravilo i Talion: kriticheskii analiz sopryazhennykh kontekstov" [The Golden Rule and Talion: a critical analysis of the conjugate contexts], *Voprosy filosofii*, 2001, no. 3, pp. 72–84. (In Russian)

Apressyan, R. "Rekontseptualizatsiya Zolotogo pravila: dva opyta Polya Rikera" [Reconceptualization of the Golden Rule: Two experiments Paul Ricoeur], *Mudrost' filosofii: tvorcheskii put' Polya Rikera* [Wisdom of philosophy: career Paul Ricoeur], ed. by I. Blauberg, G. Vdovina. Moscow: Kanon+ Publ., 2014, pp. 70–93. (In Russian)

Apressyan, R. "Kommunikativnyi istochnik moral'nogo dolzhenstvovaniya" [Communicative Source of Moral Imperativity], *Eticheskaya mysl'* [Ethical thought], 2011, no. 11, pp. 5–29. (In Russian)

Badiou, A. *Etika: ocherk o soznanii zla* [Ethics: An Essay on the Understanding of Evil]. St. Petersburg: Machina Publ., 2012. 126 pp. (In Russian)

Bakhtin, M. *K filosofii postupka* [Toward a Philosophy of the Act], in: M.M. Bakhtin. *Sobranie sochinenii* [Collected Works, 7 vols], vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003, pp. 7–68. (In Russian)

Bakhtin, M. “Avtor i geroi v esteticheskoi deyatel'nosti” [Author and Hero in Aesthetic Activity] in: M.M. Bakhtin. *Sobranie sochinenii* [Collected Works, 7 vols], vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003, pp. 69–264. (In Russian)

Bakhtin, M. “1961god. Zametki” [1961. Notes], in: M.M. Bakhtin. *Sobranie sochinenii* [Collected Works, 7 vols], vol. 5. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 1997, pp. 329–363. (In Russian)

Gogotishvili, L. “Primechaniya k ‘K filosofii postupka’” [Notes to “Toward a Philosophy of the Act”], in: M.M. Bakhtin. *Sobranie sochinenii* [Collected Works, 7 vols], vol. 5. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 1997, pp. 379–680. (In Russian)

Husserl, E. *Kartezianskie meditatsii* [Cartesian Meditations]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2010. 229 pp. (In Russian)

Demidova, E. “Otsutstvie Drugogo v filosofii postupka Bakhtina” [The Absence of the Other in the Bakhtin's Philosophy of the Act], *Eticheskaya mysl'* [Ethical thought], 2014, no. 14, pp. 271–289. (In Russian)

Ishchenko, E. “Poznanie Drugogo – epistemologicheskie problemy i sotsiokul'turnye aplikatsii” [Knowledge of Other – the epistemological problems and socio-cultural applications], *Logos*, 2005, no. 4 (49), pp. 172–188. (In Russian)

Il'in, I. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstruction. Postmodernism]. Moscow: Intrada Publ., 1996. 253 pp. (In Russian)

Krys'ko, V. *Psikhologiya i pedagogika. Voprosy – otvety. Strukturnye skhemy* [Psychology and Pedagogy. Questions – Answers. Block diagrams]. Moscow: YuNITI Publ, 2004. 367 pp. (In Russian)

Logicheskii analiz yazyka. Mono-, dia-, polilog v raznykh yazykakh i kul'turakh [Logical analysis of language. Mono-, dia-, polylogue in different languages and cultures], ed. by N. Arutyunova. Moscow: Indrik Publ., 2010. 472 pp. (In Russian)